

Киквидзе З. З.,

Государственный университет им. Акакия Церетели, г. Кутаиси

ПУТИ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ГРУЗИИ (И НЕ ТОЛЬКО)

У статті обговорюються основні дослідницькі проблеми гендерної лінгвістики в Грузії і в країнах із схожою ситуацією

Ключові слова: гендер, мова, грузинський.

В статье обсуждаются основные исследовательские проблемы гендерной лингвистики в Грузии и в странах с похожей ситуацией.

Ключевые слова: гендер, язык, грузинский.

The paper discusses main research problems in Language and Gender Studies in Georgia and in countries with similar situations.

Key words: gender, language, Georgian.

Несмотря на то, как усердно мы будем стараться всё дальше и дальше отодвигать дату начала гендерных исследований в Грузии, всё равно ранее 90-ых годов прошлого столетия не найдём никаких научных трудов, касающихся проблем гендера, как социокультурного феномена.

Стоит оговориться, что вышесказанное не касается тех многочисленных и высококачественных исследований по лингвистике и литературоведению, этнографии, истории, социологии и т.д., в которых обсуждались проблемы женственности и мужественности, места женщины в различных социальных и культурных контекстах и т. п., но делалось это, разумеется, без привлечения соответствующего гендерного понятийного и терминологического аппарата.

Вышеупомянутая дата (90-ые годы XX в.) обозначила начало медленного, трудного, однако безостановочного и последовательного процесса строения открытого общества в Грузии, со всеми вытекающими последствиями. Это способствовало появлению и развитию многих новых (для нас) научных направлений, в том числе и гендерных исследований. Вышесказанное в равной степени касается и гендерной лингвистики (или лингвистической гендерологии (Language and Gender Studies)).

Неудивительно, что в начале многие на это смотрели с опаской (а в некоторых случаях, может быть, и с удивлением, или даже с иронией). В этой связи вспоминаются слова Д. Камерон: “Когда я начала заниматься феминистской лингвистикой, не было отрасли, хотя бы в Британии, которая была бы более непонятной и пользовавшимся недоверием: однажды один репортёр сделал такой комментарий на мою книгу “Феминизм и лингвистическая теория”: “Это не одно и то же, что написать книгу о лингвистике и органическом садоводстве?”” [3, с. 31]. Очевидно, что вышеупомянутые настроения не были неожиданными и в Грузии. Однако, всё-таки стоит поставить вопрос: Почему мы так опоздали?

В первую очередь, надо отметить, что советский режим не очень-то поощрял исследования, восходящие к западной (т.н. “буржуазной”) научной мысли, во-вторых, с полной ответственностью можно заявить, что общественное мнение не способствовало созданию благоприятной почвы для соответствующего дискурса. Более того, в Грузии было и есть много признаков “власти у женской половины, исходя из грузинских традиций, касающихся почтению женщин (традиционно, Грузия считается землёй Богоматери; более того, грузины были обращены в христиан женщиной – Нино, и самым популярным грузинским правителем была женщина – Царица Тамара)” [1, с. 140].

Справедливости ради следует заявить, что в грузинском языке, литературе, фольклоре можно выявить немало отражений того, что говорилось в данной ссылке; такой материал безусловно достоин специального анализа.

Несмотря на то, что уже в первых годах 21-го века в грузинской гендерной лингвистике было сделано значительно больше, чем за всю последнюю декаду прошлого столетия (первая монография вышла в начале второй декады [7]), всё-таки остаётся огромный круг проблем, требовавших дальнейшего изучения как с количественной, так и с качественной точки зрения. Однако бурное развитие пока не наблюдается; так что, со многими организационными и собственно научными проблемами, существовавшими в современной российской гендерной лингвистике [8], нам ещё предстоит столкнуться. Хотя, это может послужить и к лучшему, так как, заранее можно предугадать некоторые трудности и препятствия.

Ниже я постараюсь перечислить вопросы, которые наиболее релевантны для развития лингво-гендерологических исследований в Грузии (и, наверно, не только в этой стране), указывая на то, что уже сделано и что предстоит сделать:

- речевое поведение женщин и мужчин в различных обстановках (социологические и этнолингвистические аспекты); существуют только несколько этнографических наблюдений, касающихся различных речевых поведений представителей разных полов, однако, не оперируя понятием гендера. Примечательно, что немецкая исследовательница Хельга Коттхофф написала несколько трудов [9;10] о взаимоотношениях факторов гендера, эмоции и культуры в грузинских траурных обрядах и традициях застолья, обнаружив определённый тип гендерного разделения труда. Её этнометодологический подход оказался наиболее эффективным, открывая путь ко многим ценным находкам. Именно этот подход позволяет выявить, что “doing gender” в случаях траурных обрядов и традициях застолья, является многопараметрным явлением. И всё-таки, это только малая часть среди существующей огромной массы проблем, ожидающих решения. Речевое поведение женщин и мужчин должно быть исследовано с учётом уже существующих моделей – Дифференциации, Доминантности и Дефицита, имея в виду, что “на практике они часто переплетаются” [11, с. 132]:

- гендерный аспект языковых средств обращения: проблеме форм обращения было уделено должное внимание в грузинской лингвистической науке, однако без особого интереса к гендерно-специфическим аспектам этих явлений. Примечательно, в горных районах Кавказа всё ещё сохранился обычай, следуя которому замужние женщины подвергают табуированию имена родителей и родственников мужа. Особый интерес заслуживает тот факт, что

существуют переходные локальности и обстановки, в пределах которых практика табуирования проявляет тенденцию исчезновения; надо признаться, что понятие “гендер” следует включить в изучение форм обращения и вежливости, функционирование которых уже исследовано в грузинском и в близкородственных ему языках [6];

▪ как женщины и мужчины представлены в языковой системе (слова, обозначающие женщин и мужчин, гендерно-маркированный порядок слов и его социо-культурная значимость, скрытый род и т.д.). Как правило, когда касаются вопросов референции с точки зрения гендера, проблема сексизма в языке представлена как наиболее актуальная, особенно с учётом того, что языковой сексизм в большинстве случаев ущемляет женщин. Несмотря на то, насколько они правдоподобны, наблюдаются случаи универсализации этих положений; выходит, что нам следует однозначно (аксиоматично) относиться к тому тезису, который гласит, что по своей сути, язык, как правило, дискриминирует женщин. Наряду с многочисленными фактами, подтверждающими вышеназванный тезис, в грузинском языке есть много реалий, не поддерживающих универсализацию названного положения. Оговоримся, что под дискриминационной природой языка, подразумевают то, что в нём женщины невидимы, а если их видно, они представлены в отрицательной семантической среде.

Доказано, что в грузинском языке не мало фактов, далёких от андроцентризма: фиксированная последовательность основ (сначала называется женщина, а потом мужчина), в сочинительных (т.е. двандва) о словах, обозначающих представителей обеих полов (напр: **col-kmari**, “жена-муж”) [7], положительное семантическое пространство слова **deda** (“мать”) [5]. Что касается параллелизма с точки зрения андроцентричности в референции, и в значении (имеется в виду и детонационное и коннотационное) и в употреблении английского слова **mami** грузинского **k'aci** есть много общего.

В грузинском языке нет (и не было) категории грамматического рода. Однако, в таких языках можно обнаружить т.н. скрытый род (у одушевлённых существительных). Изучение этого феномена несомненно повлечёт за собой очень ценные находки для социолингвистического и когнитивного аспектов гендерной лингвистики. Путём проведения соответствующих экспериментов и опросов возможно установить модели скрытого рода и ассоциировать их с существующими в обществе принципами гендерного разделения труда;

▪ гендерная ономастика: она может иметь целью изучение фамилий женщин и мужчин в до- и послебрачный периоды.

Известно, что во многих частях мира жена берёт фамилию своего мужа. В соответствии с грузинским законодательством, после заключения брака и женщина и мужчина вправе сохранить свою прежнюю фамилию или перейти на одну из двух. Примечательно, что много замужних женщин в Грузии все ещё носят свою девичью фамилию. Закономерности выбора должны быть изучены с учётом воздействующих релевантных, социальных, психолингвистических, географических, экономических и других факторов [ср. 2].

▪ женщины и мужчины в матрице языковой ситуации в Грузии. Эта проблема самая объёмистая, поскольку она подразумевает и синхронические и диахронические аспекты, и микро- и макросоциологические подходы, и, к тому же, она может включить в себя все вышеназванные вопросы.

Исследование этих и других проблем не ново в гендерной лингвистике западных (и не только западных) стран и, следовательно, некоторые выводы уже сделаны, хотя не все из них могут быть пригодными для специфических грузинских данных.

Предлагаемая статья является попыткой набросить некоторые перспективные направления развития гендерной лингвистики в Грузии, основываясь на понятие гендера, как многопараметрного, социокультурного и исторического явления, не упуская из виду особенные черты грузинской культуры, в котором присутствуют и восточные и западные компоненты.

Наконец, я хочу привести притчу о человеке, который потерял ключи на улице ночью и ищет их в освещённом месте, а не там, где он их потерял, потому, что, конечно, легче искать там, где больше света. Думается, что изучение вышперечисленных вопросов может внести свой вклад в решение многих общих проблем гендерной лингвистики, иными словами, найти хотя бы несколько ключей из потерянной связки.

Литература:

1. Apridonidze, Sh. 1991. Literary and dialectal terms of address in Georgian. *Studia Linguistica* 45 (1/2). pp. 136-145.
2. Boxer D. & Gritsenko, E. 2005. Women and Surnames Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage. *Women and Language*, Vol. XXVIII, № 2. pp. 1-11.
3. Cameron D. 1995. Rethinking language and gender studies: some issues for the 1990s. In Mills, S. (ed). *Language and gender: Interdisciplinary perspectives*. London & New York: Longman. pp. 31-44.
4. Kikvidze, Z. 1991. On the sex-preferential order of the components in some dvandva compounds in Georgian // Доклады Первой международной конференции “Гендер: язык, культура, коммуникация”. М., 2001 – С. 209-212.
5. Kikvidze, Z. 2002. Language-made Paradox: Gender Preferences in Georgian. *Women and Language*, Vol. XXV, № 1. pp. 45-48.
6. Kikvidze, Z. & Tchantouria, R. 2003. Joint Parametrization of the Honorifics and Terms of Address in Kartvelian Languages. In De Jongh, D. Zeevat, H. & Nilsenová, M. (eds). *Proceedings of the 3rd and 4th Symposium on Language. Logic and Computation*. Amsterdam: ILLC Scientific Publications. pp. 53-57.
7. Kikvidze, Z. 2011. *Language, Gender and Nationalism*. Tbilisi: Universal.
8. Кирилина А. В. Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М., 2002 – С. 20-27.
9. Kotthoff, H. 1995. The social semiotics of Georgian toast performances: Oral genre as cultural activity. *Journal of Pragmatics*, 24. pp. 353-380.
10. Kotthoff, H. 2001. Gender, emotion, and poeticity in Georgian morning rituals. In Baron, B. & Kotthoff, H. (eds.). *Gender in interaction: perspectives of femininity and masculinity in ethnography and discourse*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company (Pragmatics & Beyond, New Series, v. 93). pp. 283-327.
11. Talbot, M. M. 1998. *Language and Gender. An introduction*. London : Polity Press.